

Ундина — эпизод 27 из 29

Было время меж утра и ночи, когда на постеле
Рыцарь, сонный не сонный, лежал. Уже забываться
Начал он; вдруг перед ним невидимкой ужасное что-то
Стало; и он очнулся, как будто услышав какой-то
Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель бесплотный;
Силиться стал он, чтоб вовсе проснуться, но вот он услышал
Снова: как будто над ним и под ним лебединные крылья
Веяли, волны журчали и пели; и он, утомленный,
В сладкой дремоте опять упал головой на подушку.
Вот наконец и подлинно сон овладел им; и начал
Видеть во сне он; что будто им слышанный шум лебединых
Крыльев крыльями стал, что будто его подхватили
Эти крылья и с ним над землей и водой полетели
С сладостным веяньем, с звонким стенанием. Стон лебединый!
Стон лебединый! (себе непрестанно твердил поневоле
Сонный рыцарь) ведь он предвещает нам смерть. И казаться
Стало ему, что под ним Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пел: расступись, озарись, Средиземное море.
Вниз посмотрел он: лазурные воды стали прозрачным,
Чистым кристаллом, и мог он насквозь до самого дна их
Видеть; и там он увидел Ундину; под светлым, кристальным
Сводом сидела она и плакала горько; и было уж много,
Много в ее лице перемены; не та уж Ундина
Это была, с которою в прежнее время так счастлив
Был он в замке Рингштеттене: очи, столь ясные прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болезнен был образ.
Все то рыцарь заметил; но ею самой он, казалось,
Не был замечен. И вот подошел к ней, рыцарь увидел,
Струй, как будто с упреком за то, что так безутешно
Плакала; тут Ундина с таким повелительным видом
Встала, что Струй перед нею как будто смутился. Хотя я
Здесь под водами живу, сказала она, но с собою
Я принесла и душу живую; о чем же так горько
Плачу, того тебе никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, как все блаженно тому, кто имеет
Верную душу. Струй, покачив головою с сомнением,

Начал о чем-то думать, потом сказал: Ты, как хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты под властью
Наших стихийных законов, и все ты обязана строгий
Суд наш над ним совершить в ту минуту, когда он
Верность нарушит тебе и женится снова. Но в этот
Миг он еще вдовец, отвечала Ундина, и грустным
Сердцем любит меня. Вдовец, я не спорю, со смехом
Струй отвечал, но он и жених, а скоро и мужем
Будет; тогда уж ты, не прогневайся, с нашим посольством,
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство сама ты
Знаешь какое смерть. Но знаю и то, что не можно
В замок Рингштеттен войти мне, сказала с улыбкой Ундина,
Камень лежит на колодце. А если он выйдет из замка?
Струй возразил. А если велит он камень с колодца
Сдвинуть? Ведь он об этих безделках забыл. Для того-то,
С ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, и летает
Духом теперь он поверх Средиземного моря и слышит
Сонный все то, что мы с тобой говорим; я нарочно
Это устроила так, чтоб он остерегся. Приметя
Рыцаря, Струй взбесился, топнул ногой, кувыркнулся
В волны и быстро уплыл, раздувшись от ярости китом.
Лебеди снова со звоном, со стоном начали веять,
Начали реять; и снова рыцарю видеться стало,
Будто летит он, летит над горами, летит над водами,
Будто на замок Рингштеттен слетел и будто проснулся.
Так и было: проснулся Гульбранд у себя на постеле.
В эту минуту вошел кастелян объявить, что близ замка
Встречен был патер Лаврентий, что он в лесу недалеко
Сделал себе из сучьев шалаш и в нем поселился.
Мне на вопрос, зачем он живет здесь, когда отказался
Рыцарев брак освятить, отвечал он: Разве одни лишь
Браки должны освящать мы? Другие нередко обряды
Нам совершать случается. Если не мог пригодиться
Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
Может легко перейти в гореванье. Итак, кто имеет
Очи, да видит; кто уши имеет, да слышит. В раздумье
Долго рыцарь сидел, вспоминая свой сон и значение
Слов отца Лаврентия силясь понять; но, пришедши

К милой невесте, он все позабыл, разгулялся и снова
Сделался весел, и все осталось по-прежнему в замке.